

* * *

... И постучишься в дверь. И не спеша
Войдёшь в мой дом и грустно улыбнёшься.
Рукою бережно волос моих коснёшься.
И нежностью наполнится душа.

И спросишь, словно о своём скорбя:
– Ну как ты жил один все эти годы?
– А я не жил. Я просто ждал тебя,
Как вечный пленник ждёт глоток свободы.

* * *

Какие тёплые глаза...
Какие горестные руки...
Смотрел задумчивый вокзал
На скромный ритуал разлуки.
Она и он.
Банально?
Да.
И неуютно, как в ненастье...
Но вот поделена беда
На две примерно равных части.

...Она вошла в вагон. Присела.
Какое крохотное тело!
Затем она сняла кольцо,
В ладони спрятала лицо,

И всё. Ни вздоха и ни стона,
Ни капли лжи, ни капли зла...
И долго жители вагона
Смотрели, как она везла
Свою беду, свою вину
В ладонях через всю страну.

* * *

На каждом крестатом столбе – по орлу,
Гудят провода, и Руслановой голос
Из чёрной тарелки плывёт по селу...

Берёзовый лес, обнажённый по пояс,
Раскрыт и распахнут до самого дна.
Немые курганы седы и суровы,
Ни зверя в степи, ни крыла, ни подковы,
И только отвесно стоит тишина,
Да густо шуршит золотая пшеница,
Да всполохи блещут, как росчерк ножа.
Земля пахнет хлебом при слове «зарница»,
Земля пахнет кровью при слове «межа».
Прислушаюсь к небу – как чисто оно!
Конечно, зарница. Конечно, зарница!
И колос усат, и пролётная птица
Вот-вот и опробует это зерно.

3

* * *

Я, конечно, умру.
Хорошо б – на миру.
Хорошо бы, чтоб речка и крест на юру!

Чтоб зимой чистота,
Чтоб весной пестрота,
Чтоб под осень калина в крови у креста.

Друг придёт навестить,
Враг – прощенья просить,
Незнакомый зайдёт постоять, погрустить.

Ни о чём не ропщу.
Всех приму и прощу...
Я с весёлым – весёлый, я с грустным – грущу.

На тропе межевой
Стану просто травой...
Положите меня на закат головой!

Пусть плывут сквозь века
Надо мной облака,
Удивляясь и плача – как жизнь коротка.

* * *

Дома пусты, и улица пустынна,
Проносит ветер соль солончака,
Над крышей почерневшего овина
Отарой кучерявой облака,
Вскипая по краям, отходят к югу,
Теснятся и, грузнея изнутри,
Роняют дождь...
Всё движется по кругу...
Что, Господи, творишь, то и твори!
Плещи крылом в черёмухах зелёных,
Верши зароды, бей копытом шлях,
Коси хлеба и охраняй влюблённых,
Звездой падуцей грохочи в горах;
Детей расти! Сверкающую ленту
Гни в радугу, разрядами сверкай...
Что хочешь делай,
Но планету эту –
Прошу! – из рук своих не выпускай.

* * *

Гром прокатился по затылку,
Затем за ворот – по хребту,
И где-то под коленом жилку
Нашёл единственную ту,
Что в пот бросает.
И противен
Стал самому себе. Тоска...
А через миг ударил ливень
В созвездье левого виска,

И окропило с ног до нитки,
И врос я в чёрный слой земли...
А рваных туч кривые слитки
Из преисподней шли и шли.

И думалось – достало б силы
Остаться ровным и притом
Не знать, что вот сейчас хлыстом
У края собственной могилы

Из чёрной тучи, свысока,
Ударит молния отвесно,
И я войду, как гвоздь железный,
В планету эту
На века.

* * *

Упиралась вода...
О. Мандельштам

То не выпь на Тоболе трубит – плотогон!
В связке сосны и ели. Раздрай и разгон.

Ствол восходит свечой в серых брызгах воды –
Берегись, человек, далеко ль до беды!

На Тоболе темно и на Каме темно.
Золотою корою бревно о бревно

Мягко трётся, и берег, незримый в ночи,
Дышит синим и белым, кричи не кричи.

А над скопищем брёвен, над прорвою вод
Чёрным платьем в горошек трясёт небосвод.

Пена бьётся у ног, влага рвётся с ковша...
И Воронеж хорош, и Сибирь хороша!

* * *

Тихим светом наполнились окна,
Сумрак кошкой ползёт от двери,
Старый тополь, притихший и мокрый,
Греет листья в ладонях зари.

Первый луч пробежал по деревьям,
Глянул в окна и брызнул – в поля!
И ослабла на шее деревни
Горизонта тугая петля.

Рукомойник гремит. Пахнет мылом.
Слышен скрип дергача на лугу...
Вспоминаю – когда ж это было? –
И припомнить никак не могу.

СВАРЩИК

*Здесь пахнет железом, здесь пахнет тавотом,
Здесь воздух пропитан и гарью, и потом!
Здесь Славка Данилов, закрытый забралом,
Как Бог-громовержец, играет с металлом.
«Четвёркою» чёрной в своём «держаке»
Он радугоу держит в спокойной руке.
И швы боковые, и швы потолочные
Из-под электрода – красивые, точные...*

*Я в Славку влюблён, и тому ли виною,
Что голодом бит он и стрелян войною,
Что Славка – старик, что у Славки – беда,
Что Славка меня понимает всегда...*

*Он маску отложит, такой угловатый,
Закурит, потом улыбнётся щербато,
Мол, вот – проверяйте, всё точно, как задано...
Лицо его клеено, штопано, латано!
И метки войны, кем-то сшитые в линии,
Как швы на металле – бугристые, синие...*

* * *

*Всё тусклей становилась небес бирюза,
Всё темнее тревожные мысли,
И когда глаукома доела глаза,
Он купил себе краски и кисти.*

*Он садился к столу, он свечу выключал
И на чистом четвёртом формате
В правом верхнем углу звёздный свет намечал,
И светлело от звёздного в хате.*

*И пожились мазки, и ясел его взор,
И по древним оврагам и склонам
Краски жизни текли, заполняя простор
Голубым, золотым и зелёным.*

ЛЕБЕДИНОЕ ПЕРО

*Закат погас. Луна сквозь листья сада
Роняет на тропинку серебро.
Со мною – ты, и ничего не надо...
Очиним лебединое перо!
Гусиным можно, можно ястребиным, –
Их, перьев этих, столько на лугу! –
Но о любви нельзя нелебединым:
Любым иным я просто не смогу.
Я напишу: «Как пахнут Ваши плечи!..»
Я прикоснусь губами к завитку,
И загорятся, засверкают свечи
В зрачках твоих, читающих строку.
– Так просто всё?..
– Конечно, очень просто...
Ведь это лебедь...
Небо...
Перелёт...*

*По этому перу стекали звёзды,
По этому крылу стреляли влёт!
Оно стонало, билось и плескалось,
Кипело страстью, рвало небосвод,
Оно такой любовью пропиталось!*

*...И не заметим мы, как перейдёт –
Под занавесок лёгких колыханье,
Под шум листья – попробуй, улови! –
Поззии неровное дыханье
В неровное дыхание любви.*

